

UNITED WISDOM

Юм: привычка ума и ожидание причины

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-18-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Юм: привычка ума и ожидание причины

Представьте условную сцену. Три раза вы отправили просьбу вечером и три раза получили раздражённый ответ. На четвёртый вечер вы ещё не открыли переписку, а уже ждёте того же. Может быть, вечер действительно неудобен. Может быть, важны содержание просьбы, её срочность или другие обстоятельства. Но ожидание уже возникло и выглядит почти как знание будущего.

Другой условный человек трижды выбрал один способ работы и получил хороший результат. Теперь он называет способ надёжным. Оба человека переходят от случившегося к тому, чего ещё нет. Откуда берётся уверенность в таком переходе? И что именно повторилось: видимое событие, его условия или наша история о нём?

О чём эта статья

Дэвид Юм задаёт вопрос, который трудно устранить простым призывом доверять опыту: на каком основании прошлое становится основанием ожидания? Мы кратко рассмотрим различие отношений идей и фактов, проблему перехода к будущему и значение привычки. Затем разовьём собственные современные примеры: повторяющиеся разговоры, успешный рабочий способ, совпадение двух событий и необходимость принимать решения без гарантии. Эти примеры не являются исследованиями поведения и не приписываются Юму. Его анализ — философское объяснение человеческого ожидания; он не делает все прогнозы одинаковыми и не освобождает от проверки. В центре статьи будет полезное напряжение: прошлый опыт действительно нужен, но его сила зависит от того, какой именно вывод мы из него делаем и насколько честно называем неизвестное.

1. Два разных вида уверенности

В IV разделе «Исследования о человеческом познании» Юм различает отношения идей и факты. Отрицание математического отношения может быть противоречивым; противоположный исход фактического события мыслим без такого противоречия. Поэтому ожидание события не обладает тем же основанием, что доказательство отношения чисел. Юм, «Исследование», IV, §§20–21.

Для нашего прочтения полезно поставить рядом два предложения: «В этой таблице сумма трёх чисел равна указанному результату» и «Завтра участники снова сделают то же самое». Первое можно проверить вычислением, если определены числа и операция.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Второе требует сведений о событиях, условиях и участниках. Даже безошибочное вычисление не доказывает его.

Представим план встречи. Если начало назначено на определённое время, а дорога обычно занимает полчаса, человек вычисляет время выхода. Арифметическая часть может быть точной. Продолжительность завтрашней дороги остаётся ожиданием. Нередко мы соединяем эти части в одно уверенное «я успею» и забываем, что они имеют разный статус.

Это различение не делает план плохим. Оно показывает, где ему нужен запас и где возможна поправка. Ошибка в сложении устраняется пересчётом; изменение дороги — новыми сведениями или изменением действия. Если мы пытаемся решить второй вопрос усилением уверенности в первом, проверка проходит мимо предмета.

Такую же структуру можно заметить в споре. Человек говорит: «Раз он дважды отказал, он откажет и сейчас». Количество прежних отказов может быть установлено точно. Вывод о нынешнем событии всё ещё требует перехода. Возможно, просьба та же и условия близки; возможно, существенно изменились. Слово «значит» не делает эти возможности ненужными.

Наша первая практическая мысль проста: определённость части рассуждения не должна незаметно распространяться на всё рассуждение. Можно быть уверенным в записи прошлых событий и менее уверенным в объяснении, ещё меньше — в следующем результате. Назвать эти уровни не значит отказаться от решения. Это значит понять, что именно поддерживает его.

2. Между повторением и законом

Юм спрашивает, почему наблюдавшаяся связь должна сохраняться за пределами наблюдённого. Доказать это прошлым опытом — значит уже предположить тот самый переход, обоснование которого ищется. В V разделе привычка рассматривается как принцип формирования ожидания после повторения. Юм, «Исследование», IV, §§29–32; V, §§35–38.

Наш условный пример с вечерней просьбой показывает расстояние между двумя формулировками. «Три последних ответа вечером были раздражёнными» описывает ряд. «Вечер вызывает раздражение» добавляет объяснение. «Вечером невозможно договориться» превращает объяснение в почти безусловный предел будущего.

Каждая следующая формулировка становится шире. Чтобы выбирать время разговора, возможно, достаточно первой рабочей гипотезы: вечер пока выглядит неудобным. Чтобы утверждать причинность, нужно различить другие условия. Чтобы объявить

невозможность, потребуется ещё более сильное основание. Нередко практическая осторожность оправдана раньше, чем окончательное объяснение.

Представим обратное повторение: каждый раз после изменения процедуры работа завершалась быстрее. Мы можем разумно сохранить процедуру. Но это не обязывает утверждать, что её эффективность одинакова при любом составе задачи. Если прежние случаи были небольшими, новая крупная работа может потребовать дополнительной проверки. Это наш мысленный пример, а не установленный эффект определённой методики.

Поэтому полезно спрашивать, какой масштаб повторения мы действительно наблюдали. Один человек, один тип просьбы, одна неделя, одни условия — это не «всегда». Узкая закономерность способна быть практически ценной именно потому, что её граница названа. Она помогает действовать в близких условиях, не притворяясь описанием всего мира.

Возражение здесь закономерно: если постоянно ограничивать вывод, не исчезнет ли его польза? Не обязательно. Можно сказать «в этих условиях этот способ пока сработал» и применить его снова, сохранив возможность поправки. Действие требует основания, но не всегда требует доказанного закона. Уменьшение словесной универсальности иногда делает опыт более переносимым: становится понятно, что именно стоит сохранить и что проверить при изменении ситуации.

3. Привычка помогает жить и может закрывать вопрос

Привычное ожидание экономит необходимость заново рассматривать каждый случай. Это наше описание функции в условном примере, а не измеренный психологический эффект. Если вы знаете, как открыть знакомую дверь, вы не проводите философскую проверку перед каждым движением. Если знакомый рабочий способ пригоден, вы используете его, пока не появляется существенное различие.

Но привычка может начать отвечать на вопрос раньше, чем событие наступило. В исходной сцене человек заранее готовит защитный ответ и отправляет просьбу в обвинительном тоне. Тогда четвёртый разговор уже отличается от прежних. Если он снова оказался трудным, нельзя автоматически считать это чистым повторением одного и того же условия.

Здесь важно не объявлять самого человека причиной любой неудачи. Возможно, второй действительно снова ответил резко независимо от формы обращения. Наш вопрос скромнее: осталось ли событие тем же после того, как ожидание вошло в наше действие? Иногда собственная подготовка, тон или отказ от уточнения становятся частью новой ситуации. Иногда существенного влияния обнаружить не удаётся.

Можно представить положительное ожидание. Человек настолько уверен в привычном способе, что пропускает новую деталь задания. Если работа оказывается неудовлетворительной, полезно проверить изменение задачи, а не сразу объявлять прежний опыт ложным. Способ мог быть пригоден в прошлом и недостаточен сейчас. Два положения совместимы.

В нашем прочтении зрелое обращение с привычкой не требует её уничтожить. Требуется заметить момент, когда она начинает скрывать различие. Какой признак сообщает, что условия изменились? Какую часть способа стоит сохранить? Какой шаг нуждается в новой проверке? Ответ может быть совсем небольшим: появилось другое требование, поменялся участник, увеличился объём.

Это превращает привычный опыт из запрета на изменение в рабочую опору. Мы не начинаем с нуля, но и не передаём прошлому право безусловно решать за будущее. Привычка остаётся полезной, пока её охват виден и новую информацию можно включить в следующую попытку.

4. Причина, соседство и общее условие

Два события способны идти рядом без того, чтобы первое было достаточным объяснением второго. Это наш аналитический вопрос, а не готовый результат наблюдения. Представим условную комнату: люди чаще спорят именно тогда, когда открыто окно. Можно предположить влияние шума. Можно заметить, что окно открывают в самые жаркие часы, когда разговоры и так тяжелее. Можно обнаружить, что именно в эти часы обсуждают наиболее трудные задачи.

Один ряд допускает несколько объяснений. Для действия иногда достаточно уменьшить шум и посмотреть, что изменилось. Для утверждения причины понадобится более тщательное различение. Условный эксперимент может не дать ясного результата: одновременно изменились тема, длительность и состав участников. Тогда честный вывод будет ограниченным.

В «Трактате о человеческой природе» Юм предлагает правила суждения о причинах, включая рассмотрение порядка событий, сходства случаев и различий обстоятельств. Его исторический перечень не тождествен современным исследовательским методам. Юм, «Трактат», I.III.XV. Для нас важно, что анализ ожидания совместим с дисциплиной различения, а не ведёт к равнодушию ко всем основаниям.

Различим три вопроса: что произошло раньше; что регулярно встречается рядом; что изменяет результат при прочих существенных условиях? Они не всегда получают одинаковый ответ. Порядок может исключить некоторые объяснения, но один порядок не

устанавливает все остальные. Повторение может укрепить ожидание, но ещё не назвать механизм.

Здесь особенно полезно избегать слов, которые описывают больше, чем наблюдалось. «После этого» может быть точным. «Из-за этого» требует дополнительного основания. «Только из-за этого» исключает другие условия и потому требует ещё большего. Сила грамматики не должна подменять силу свидетельства.

Возникает и этическая граница. Чужого человека нельзя превращать в объект удобного эксперимента без его участия. Если мы меняем совместную договорённость, другой должен понимать, на что соглашается. Наши примеры предлагают добровольное уточнение собственного действия и условий общения, а не скрытую проверку чужой личности.

Хороший причинный вопрос делает картину сложнее ровно настолько, насколько это необходимо для решения. Он не обязан превратить простую ситуацию в исследовательскую лабораторию, но и не должен объявлять первую замеченную связь окончательным ответом.

5. Что означает сила свидетельства

Различие оснований позволяет избежать ложного равенства: если абсолютной гарантии нет, все версии будто равноценны. В нашем условном примере прогноз, поддержанный несколькими сопоставимыми случаями, обычно имеет иное практическое основание, чем внезапная догадка. Но слово «несколько» само по себе ещё не решает вопрос: нужны различимость случаев и ясный предмет сравнения.

Представим два человека, оценивающих надёжность договорённости. Один приводит три сообщения одного участника, написанные в одном разговоре. Другой приводит три выполненных обязательства в разные периоды. Это разные виды сведений. Первые способны показать последовательность слов; вторые добавляют наблюдение результата. Для нового решения полезно знать, какое именно доверие мы хотим обосновать.

Количество также не исправляет неверную единицу учёта. Если один и тот же рассказ повторён на десяти страницах, это не десять независимых событий. Если десять людей пересказывают один источник, сведения могут быть разнообразно изложены, но их происхождение остаётся общим. Это наше методологическое различение; статья не предъявляет измерений конкретной медиасреды.

В повседневной ситуации единица может быть проще. Что считается случаем задержки: сообщение, день или обещанное действие? Если одно событие вспоминается много раз,

оно не превращается в ряд. Если несколько задержек имеют существенно разные условия, общий вывод требует назвать это различие.

Но требование точности не должно обесценивать единичное серьёзное событие. Иногда одного отказа или прямого нарушения достаточно для изменения собственного участия. Для такого решения не требуется доказывать универсальный характер человека. Можно сказать: «Это действие неприемлемо для нашей договорённости» — без перехода к «он всегда поступает так».

Так сила свидетельства оказывается связана с силой притязания. Для решения не повторять определённую ситуацию иногда нужна меньшая универсальность, чем для обвинения в неизменной природе. Практическая граница и философский закон имеют разные основания.

Наше прочтение предлагает спрашивать не просто «достаточно ли у меня фактов?», а «для какого именно утверждения достаточно?». Этот маленький вопрос удерживает опыт от двух крайностей: полного обесценивания и неоправданного расширения.

У Юма есть ещё одно важное напряжение: повторение не добавляет к наблюдаемым предметам видимой необходимой связи, но меняет переход в уме, ожидающем следующий член ряда. Академический комментарий рассматривает это различие внешнего наблюдения и внутреннего ожидания. Qu и Radcliffe, «David Hume», §2.2. Это философский анализ, не современное экспериментальное измерение силы привычки.

Наш мысленный пример позволяет почувствовать проблему. Представьте совершенно незнакомое устройство с двумя лампами. После первой включается вторая. Даже если вы наблюдаете такой ряд многократно, перед глазами остаётся последовательность световых сигналов. Чтобы назвать механизм, придётся добавить сведения об устройстве, провести подходящую проверку или предложить модель. Количество наблюдений усиливает основание ожидать ряд; оно не делает скрытый механизм непосредственно видимым.

При этом открытие механизма не уничтожит всех вопросов. Допустим, вы увидели соединение и выяснили правило работы. Теперь прогноз опирается на более определённое понимание. Но он предполагает, что устройство осталось исправным и условия соответствуют проверенным. Мы не обязаны после каждого включения исследовать всё заново. Мы лишь можем назвать, на каких условиях основано доверие и какие признаки потребуют вернуться к проверке.

Различие особенно важно, когда уверенность переносится в обвинение. Условный человек многократно видел молчание после своей просьбы и теперь считает, что видит само намерение отвергнуть его. Однако повторённое молчание и намерение остаются

разными предметами. Можно принимать решение по молчанию, не превращая неизвестный мотив в наблюдённый факт. Такой вывод не смягчает обязательство другого: он просто удерживает точность собственного утверждения.

Таким образом, вопрос о причине требует больше, чем вопрос о ближайшем ожидании. Иногда нам действительно нужен механизм. Иногда достаточно надёжной рабочей последовательности. Но нужно понимать, какую задачу мы решаем, чтобы не объявить успех в одной задаче окончательным ответом на другую.

6. Скептицизм, который не запрещает действие

Неопределённость будущего не устраняет необходимость выбирать. Юм различает практическое использование опыта и философский вопрос об основании перехода; эти позиции соседствуют в IV разделе. Юм, «Исследование», IV, §31. Мы не превращаем это различие в требование отказаться от исследования.

В условной сцене человек должен выбрать время разговора. Он не знает наверняка, какой ответ получит. Он может учесть прежние встречи, спросить об удобном времени или выбрать формат, где возможна пауза. Каждое решение имеет пределы. Отсутствие гарантии не делает их одинаковыми.

Наш практический вопрос состоит в том, какие последствия ошибки допустимы. Если выбор легко пересмотреть, разумно попробовать небольшое действие и наблюдать. Если ошибка создаёт значительное обязательство, полезно собрать дополнительные сведения и явно обсудить условия. Это современная редакционная позиция, не готовая юмовская теория решения.

Можно назвать её меру без выдуманных чисел. Какие обстоятельства способны изменить решение? Что уже известно? Что придётся предположить? Как скоро станет виден результат? Можно ли остановить следующий шаг, если предположение не подтвердилось? Иногда эти вопросы дают достаточную опору даже тогда, когда точной вероятности нет.

Есть риск спрятать решение за словом «неизвестно». Если человек говорит «я не могу знать, поэтому ничего не выбираю», это тоже имеет последствия: срок проходит, договорённость остаётся без ответа. Отсрочка способна быть разумной, но её следует назвать действием с условиями и ценой, а не нейтральным отсутствием участия.

Обратный риск — выдать необходимость решения за доказанность выбранной версии. «Мне надо действовать» не означает «моя гипотеза точно верна». Можно выбрать следующий шаг, открыто сохранив рабочий статус объяснения. Тогда новые сведения не будут восприниматься как нападение на уже объявленную истину.

В таком чтении скептицизм получает полезную ограниченность. Он задаёт вопрос о переходе и помогает соотнести уверенность с основанием. Он не обязан остановить дверь, поездку, разговор и всякое повседневное действие, пока философия не завершит спор об индукции.

7. Возражения, которые нельзя убрать словом «привычка»

Первое возражение очевидно: многие успешные ожидания опираются на гораздо большее, чем повторение внешнего ряда. Мы понимаем устройство инструмента, знаем условия его работы, можем объяснить последовательность. Наш современный ответ: это различие оснований следует учитывать. Статья не предлагает заменить всякую проверку механизмов наблюдением частоты.

Но знание устройства тоже требует осторожности при переносе. Условный человек может правильно понимать знакомый прибор и не знать, что в новой версии изменена важная деталь. Объяснительная модель усиливает основание, не превращая незнакомый случай в уже проверенный. Здесь вопрос Юма остаётся стимулом назвать, какой именно переход совершается.

Второе возражение касается причинности самой по себе. Не означает ли анализ ожидания, что никаких реальных причин нет? Академические обсуждения Юма различают вопрос происхождения идеи необходимой связи и спор о том, что именно он утверждает о причинных силах. Простая формула «Юм отменил причинность» слишком груба. «David Hume», раздел об индукции и необходимой связи.

Третье возражение: привычка не объясняет, почему одно ожидание следует предпочесть другому. Наше современное развитие действительно не решает всю эпистемологическую проблему. Оно предлагает ограниченные способы различать основания в конкретном случае. История прошлого успеха, наличие сопоставимых условий и возможность проверки имеют практическое значение, но эта статья не доказывает окончательную норму всех прогнозов.

Четвёртое возражение касается человеческих отношений: если я каждый раз оставляю неопределённость, не стану ли я слишком уступчивым? Не обязательно. Можно сохранять неизвестность мотивов и устанавливать ясную границу поведения. Условное «я не знаю, почему ты не предупредил» совместимо с «я не готов продолжать работу на этих условиях».

Наконец, само размышление не должно делать опыт пустым. Прошлые события важны и способны менять выбор. Ограничить вывод не означает вычеркнуть память. Разница заключается в том, говорим ли мы о случившемся, о рабочем ожидании или о

безусловном законе. Один и тот же опыт может поддерживать первое уверенно, второе осторожно, третье недостаточно.

Философская честность здесь сохраняет два движения: признать, что опыт ведёт нас дальше наличного, и не скрывать, что этот переход требует отдельного внимания.

8. Что это значит на практике

Если вам хочется исследовать одно ожидание, можно начать с фразы «после этого обычно происходит...». Возьмите небольшой эпизод, где есть возможность наблюдения и изменения. Не обязательно обращаться к самым тяжёлым отношениям или наиболее значимым решениям.

Сначала перечислите конкретные случаи, которые действительно помните или можете сверить. Затем назовите, что было одинаковым, а что различалось. В условном примере с вечером одинаковым могло быть время, различным — содержание просьбы. Возможно, вы обнаружите, что помните только трудные разговоры, а спокойные не учитывали. Возможно, наоборот, ряд окажется последовательным. Ни один исход не следует объявлять заранее.

Следующий вопрос: какой именно вывод вам нужен? Вы хотите удобнее выбрать время, понять причину раздражения или решить, продолжать ли договорённость? Это разные задачи. Для первой иногда достаточно спросить о предпочтении собеседника. Вторая может остаться открытой. Третья зависит ещё и от ваших границ, а не только от частоты ответа.

Если подходит небольшая попытка, измените один доступный элемент и заранее назовите наблюдение. Например, вместо вечернего сообщения договоритесь о времени обсуждения. Затем посмотрите, состоялся ли разговор и стало ли яснее согласие. Не называйте один удачный исход доказательством найденной причины, если одновременно изменились другие условия.

Полезно предусмотреть и неудачный результат. Если ответ снова трудный, это не обязательно означает, что никакое изменение невозможно. Возможно, изменённый элемент не был решающим. Но и обещать, что следующая попытка обязательно сработает, нельзя. Допустимо остановиться, сохранить наблюдение и выбрать другой способ участия.

Чужое согласие остаётся важным. Наше упражнение не предлагает провоцировать людей, проверять их скрытно или добиваться признания предполагаемого мотива. Оно направлено на ясность собственной гипотезы и допустимого действия.

В конце можно записать три предложения: что наблюдалось; чего вы ожидаете; чего пока не знаете. Такая запись не обязана стать ежедневным ритуалом. Иногда одного эпизода достаточно, чтобы услышать различие между опытом и его слишком уверенным продолжением.

9. Прошлое как опора с открытым краем

Вернёмся к двум условным людям из начала статьи. Один ожидает раздражения, другой — успеха. Их ожидания не обязательно ошибочны. Проблема возникает, когда ожидание получает статус уже случившегося будущего и перестаёт замечать условия.

Если первый уточнит время разговора, он может получить новый ответ. Если второй проверит изменившуюся задачу, он может сохранить полезный способ и поправить одну деталь. Иногда ничего существенно не изменится. Но и тогда ожидание будет опираться на более определённый ряд, а не только на знакомое чувство.

Наше прочтение не обещает свободы от привычки. Оно предлагает работать с её границей. Прошлое подсказывает направление, но конкретное новое событие ещё требует встречи. Эта встреча может быть небольшой: прочитать нынешнее условие, услышать нынешний ответ, проверить нынешнее действие.

Важно и право доверять. Человек не обязан начинать каждое утро с подозрения ко всему накопленному опыту. Достаточно помнить, что доверие имеет предмет. Я могу доверять знакомому способу в знакомой задаче и проверять его пригодность для существенно другой. Могу доверять человеку и уточнять новую договорённость. Эти действия не противоречат друг другу.

Юмовский вопрос возвращает нас к моменту перехода. Мы видели, что происходило. Теперь ожидаем, что произойдёт. Иногда переход оправдан настолько, насколько нужно для решения; иногда он стал слишком широким. Замечать эту разницу — наша современная задача, а не окончательная победа над философской проблемой.

Прошлый опыт остаётся ценным именно тогда, когда допускает продолжение и поправку. Его не нужно превращать ни в непогрешимый закон, ни в набор случайностей без значения. Между этими крайностями есть практическая честность: назвать основание, ограничить притязание и встретить новый случай с готовностью увидеть то, чего прежний ряд ещё не показал.

Источники

1. David Hume. *An Enquiry Concerning Human Understanding*: IV, §§20–21,29–32; V, §§35–38. Project Gutenberg.

2. David Hume. *A Treatise of Human Nature*: I.III.XV, правила суждения о причинах. Project Gutenberg.

3. Hsueh Qu и Elizabeth S. Radcliffe. *David Hume*, §2.2, индукция и необходимая связь. Stanford Encyclopedia of Philosophy, текущая редакция 2026, авторство проверено по Author and Citation Information.